

Людмила Ольховская
(Полтава, Украина)

УЧИТЕЛЬ. ПОПЫТКА ПОРТРЕТА

Когда мы, вчерашние школьницы, поступили на литфак Новозыбковского пединститута, судьба уготовила нам встречи со многими прекрасными людьми — преподавателями этого вуза. Античную литературу должен был читать старший преподаватель Владимир Иванович Грешных. Идя в первый раз на его лекцию, мы еще не знали, что для многих девочек (а на литфаке ведь всегда были преимущественно девочки) этот человек станет первой любовью, идеалом мужчины, преподавателя, филолога. А стал, это бесспорный факт. И для меня, и для многих моих сокурсниц, и даже, как потом выяснилось, для многих предыдущих и таких же многочисленных последующих поколений студенток.

Высокий, худощавый, в неизменном сером пуловере под горло, с неповторимым римским профилем, он очень быстро приобрел над нами удивительную власть. Что бросалось в глаза сразу? Его оригинальность (и внешнего, и внутреннего облика), его объективность, его спокойствие, деликатность, его независимость мнений. Мы стали любить то, что он любил, интересоваться тем, о чем он хотя бы мельком упомянул. Прошло более трех десятилетий с того времени, а я прекрасно помню, как Владимир Иванович назвал нам почти недоступный тогда булгаковский роман «Мастер и Маргарита». На следующий день этот роман, опубликованный в журнале «Москва», был у нас в общежитии, и мы, стараясь по очереди, но все же выхватывая его друг у друга, читали, читали. Стоит ли говорить о том, что когда роман, уже в отдельном издании, попался мне позже, я купила его за немислимые тогда деньги — 35 рублей (почти половина моей тогдашней

зарплаты!) — в память о любви к Владимиру Ивановичу. Равно как и «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле. Этого, правда, выменяла за серебряные полтинники — бабушкино наследство. Обе книги стоят сейчас на книжной полке.

Помню, как мы бегали к Владимиру Ивановичу на репетиции какого-то литературного вечера в старый корпус нашего еще не Брянского — Новозыбковского института (в Брянск нас перевели на втором курсе) и я читала блоковское:

Мне страшно с тобой встречаться,
Страшнее — тебя не встречать.
Я стал всему удивляться,
Во всем находить печать... —

а Владимир Иванович слушал так, как мог слушать только он.

Он жил тогда со своей семьей (женой и маленьким Антоном) в нашем общежитии. Телевизор был один на всех, и стоял он на какой-то общей кухне. Вспоминается, как Владимир Иванович позвал всех нас смотреть «Гамлета» с Иноккентием Смоктуновским. Это тоже был урок. Вполглаза следили за действием на экране, вполглаза — за реакцией Учителя.

В комнате у Грешных я никогда не бывала, как, впрочем, и многие другие студентки, мы только знали, что приходит в гости к любимому учителю второкурсница Ира Дроханова, очень полная девочка, которая не пользовалась успехом у наших мальчиков, редактор литфаковской стенной газеты «Слово». Легко догадаться, как мы все ей завидовали, и как бы с радостью отдали всех наших тогдашних воздыхателей за право бывать там, и как с пристрастием выпытывали все подробности таких посещений после ее возвращения из «святого места» — комнаты преподавателя с прекрасной библиотекой и забавным Антошкой.

На старших курсах, уже в Брянске, Владимир Иванович Грешных вел у нас курс зарубежной литературы. В общежитии он уже не жил, вероятно, получил отдельную квартиру. Одеваться стал более разнообразно (мы всегда за этим следили!). Однако главным было не это. Главным были его лекции, его слова. На эти лекции мы ходили, как на свидания. Вспоминается, как однажды он говорил о любви к женщине, пересказывая фрагмент какого-то произведения, — ясно, что вся зарубежная литература, по большому счету, об этом: вот есть простая веточка — и ничего в ней особенного, но если поместить ее в раствор соли, а потом вынуть, она, покрывшись кристаллами, вся заискрится, засияет, станет волшебной. Так и любовь, поклонение способны пре-

творять обиденное в чудесное, обычную женщину сделать богиней, музой, возвести на пьедестал. Запомнилось на всю жизнь. Это уже сейчас, с вершины моего возраста мне жаль всех моих женихов, которые не выдержали — да и могли ли выдержать?! — сравнения с Владимиром Ивановичем Грешных. Нужно ли говорить, что я им всем в обязательном порядке о Владимире Ивановиче рассказывала. Может быть, они даже его не любили...

Совсем еще молодой, лет на 15–16 старше нас, уже тогда он становился в наших глазах самым значительным человеком из всех встреченных людей. Своим присутствием он изменял, облагораживал целый мир вокруг себя, а мы были, как в воронку, в этот сказочный мир, втянуты. Круг его интересов был необычайно широк, и он умел делиться своими сокровищами со всеми, кто только хотел брать. Все, что бы он ни делал, напоминало нам, вчерашним школярам, что существуют ценности, от которых нельзя отречься ни в коем случае: достоинство, внутренняя свобода, уважение к человеку, здравый смысл. От него исходила глубокая добрая сила. Он будто показывал всем нам, каким может быть человек, он поднимал планку высоко-высоко и держал ее, ни разу не дав повода усомниться, разочароваться, устать. Видеть Владимира Ивановича, слышать его, общаться с ним было величайшим счастьем, щедрым подарком судьбы. Мы объединялись вокруг нашего любимого Учителя, и не знаю, получал ли что-то он от такого общения, но мы приобретали сполна, мы имели возможность хоть в такие короткие минуты объединения подышать чистым воздухом вершин. Многие пишут сейчас, что им до сих пор слышится его неповторимый голос. Действительно, стиль его лекций был стилем его души. Так, как говорил он, могут говорить только люди особенные, те, которым был дан дар человеческого, слишком человеческого. Он был центром, вокруг которого кипела жизнь, потому что он умел прислушиваться к шороху каждой мысли, выпрямлять все существенное, развить все недоразвитое... Может, мы были тогда слишком романтичны и мало практичны — все наше поколение, но от такого романтизма я не хотела бы избавляться даже сейчас, прожив большую часть жизни и оказавшись, как все, совсем в других реалиях...

А потом мы расстались, а когда встретились (через три десятилетия!), пусть и в социальных сетях, виртуально, оказалось, что наши чувства к Владимиру Ивановичу — к его облику, к его творчеству — нисколько не потускнели. Мы снова были с ним, мы, его ученики, все, кто любит и помнит. Были — трудно в это поверить! — в его друзьях, среди его друзей! Можно было запросто написать этому великому че-

ловеку и получить ответ. «Я горжусь Вами», — эти его слова до сих пор на моей страничке в «Одноклассниках», а мои книжечки о короленьковском музее, которые он захотел прочитать, — в его доме.

Его облик достиг завершенности, ведь и внешней завершенности человек достигает по мере того, как заканчивается его земной путь. Этот облик был не менее притягателен, чем в молодости! И об этом мы не преминули смело заявить своему учителю. Его друзья-ровесники удивлялись: «Как же тебя, оказывается, любят, Володя».

Диалоги, выставки все новых и новых картин, комментарии к ним... Оказалось, Владимир Иванович обладает незаурядным художественным талантом! «Мне все интересно», — писал он нам. А я ему писала: «Рада, что Вы живы, легко откликаетесь и неподражаемо рисуете».

Думаю, он понимал, чем был для нас, поэтому, несмотря на свою занятость и тяжелую болезнь, был с нами (единственным из наших институтских преподавателей) до конца.

Когда я сейчас размещаю новые фотографии на своей страничке в «Одноклассниках», первая мысль: Владимир Иванович этого не увидит, как жаль! Не напишет в комментариях к изображению музейных предметов: «Как прелестно!»

И все-таки в литературном / творческом мире смерти нет. Останутся книги, статьи, рукописи, рисунки Владимира Ивановича, останемся, наконец, пока на этой земле мы, на которых навсегда его отпечаток, а мы передадим знания и чувства другим — и так будет длиться эстафета и не закончится никогда-никогда, а все мы живем на этом свете лишь миг, более или менее продолжительный.

Обаянию его слова и облика нет предела во времени.